

VIKTORIA ZAKHAROVA

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ И ПАСХАЛЬНЫЙ СЮЖЕТЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ НАДЕЖДЫ ГОРОДЕЦКОЙ

Имя русской эмигрантской писательницы первой волны Надежды Даниловны Городецкой (1901-1985), к сожалению, пока мало известно не только читателям, но и исследователям, хотя ее наследие, несомненно, заслуживает к себе пристального внимания всех, кто интересуется русской литературой. Она была не только писательницей, но и журналистом, историком литературы, богословом. Стала первой женщиной-профессором Ливерпульского университета, много лет руководила там кафедрой славистики.

Знакомство с творчеством Н.Д. Городецкой, ее биографией, для современного читателя стало возможным благодаря выпущенному в 2013 году А.М. Любомудровым изданию, в предисловии к которому говорится: «Страдание человека, пережившего революцию и Гражданскую войну, лишенного и родины, и близких, стало главной философской темой ее книг. Но оно не породило ни ужаса перед роком, ни беспросветного отчаяния, ни проклятий судьбе или большевикам. Автор имеет мужество принять посланные испытания и, выстрадав, преодолеть их» (Lyubomudrov, «Nadezhda Gorodeckaya. Ocherk zhizni» 5). Глубокая характеристика творческого пути Надежды

Виктория Трофимовна Захарова, доктор филологических наук, профессор – Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет); адрес для почтовых отправлений: 606008, Дзержинск, Нижегородской обл., ул. Урицкого, д. 12-Б, кв. 39; e-mail: victoriazaharova95@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>.

VICTORIA TROFIMOVNA ZAKHAROVA, Doctor of philology, Professor – Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); correspondence address: 606008, Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod region, Uritsky str., 12-B, sq. 39; e-mail: victoriazaharova95@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>.

VICTORIA TROFIMOVNA ZAKHAROVA, doktor filologii, profesor – Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Kozmy Minina w Niżnym Nowogrodzie (Uniwersytet Minin); adres do korespondencji: 606008, Дзержинск, Нижегородской обл., ул. Урицкого, д. 12-Б, кв. 39; e-mail: wiktoriazaharova95@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>.

Городецкой дана А.М. Любомудровым и в статье: «Надежда Городецкая: от беллетристики к богословию.»

Все творчество Надежды Городецкой пронизано излучениями христианской веры. На примере анализа сюжетной ситуации встречи нами была предпринята попытка показать это (см. об этом Zakharova). Целью данной небольшой работы является осмысление роли и значения обнаруживаемых в рассказах Городецкой рождественского и пасхального сюжетов. В исследовании применяются сравнительно-сопоставительный, историко-типологический, системно-целостный методы анализа литературного произведения.

Обратимся к текстам рассказов, которые публиковались в 1930-е годы в эмигрантской периодике. В издании А.М. Любомудрова они распределены по тематическим циклам. Один из них назван *Из жизни Кати Белосельской*; изображение действительности преимущественно дано в нем через восприятие восьмилетней девочки. Так, в рассказе *Детство* (1934) речь идет о тех впечатлениях, которые сформировали в дальнейшем духовное становление героини. Как выясняется сразу, семья Кати не отличалась религиозным благочестием, но нравственные основы в ней были верны, что проявлялось в милосердном отношении к нищим, в помощи бедным, прислуге. Главным событием в сюжете рассказа является посещение Катей и ее братом вместе с отцом и няней церкви в пасхальную заутреню.

Здесь важно следующее. Восприятие этого события было подготовлено общением Кати со стариком-нищим, который периодически ночевал у Белосельских в прачечной во дворе. Прислуга называла его дедушкой, вслед за ней и дети стали так называть старика, обратив при этом внимание на еще одно его именование: сам он называл себя «странным человеком». Дети, подружившиеся с ним, удивлялись этому, не понимая, что слово «странный» с древних пор было связано на Руси со «странничеством». Разные жизненные обстоятельства заставляли людей пускаться порой в очень дальний путь, не имея средств к существованию, и для них в городах силами благотворителей строились «странноприимные дома».

Уже в эмиграции специальную статью о традициях благотворительности в России написал И.С. Шмелев, где, в частности, отмечал:

Лучших выдавал народ культуре, срастался с ними... А духовная культура!.. Где было столько приютов, больниц, богаделен, клиник, «странных» домов, – во имя? Во Имя Божие?! (...) Сколько революционеров вышло из даровых жилищ, вскормилось на стипендии «дающих»?!. А верстовые корпуса «домов» – вдовых, воспитательных? Целые улицы тянулись... (Shmelev 474)

Вернувшись к тексту рассказа, заметим: дети Белосельских особенно сдружились с «дедушкой» на почве любви к животным. И Катя, и ее брат Петя были особенно сердобольны к несчастным животным и птицам. «К галкам она испытывает особую нежность, вроде той, что ее брат испытывает к хромой собаке: – Они некрасивые, их никто не любит» (Gorodetskaya 268).

А старик полюбился детям именно потому, что особенно любил птиц и «знал о них такое, что не написано в большом атласе: почему у малиновки красная грудка, – как она стерла каплю крови с чела Господня, почему соловей поет только по ночам...» (268). Оказалось, что соловей, спавший на оливковом дереве, в ночь воскресения Господня увидел в небе Иисуса Христа с ангелами и расстроился до слез, что не может так красиво воспевать Господа, как ангелы. Ангел же ответил так: «... пой, как умеешь, любовь твоя всего главнейше» (268). И с тех пор, как объяснил эту притчу старик, «в память того видения только по ночам соловей и поет» (268). Как видно, такими поэтически-возвышенными, проникновенными легендами, через любовь детей к птицам и животным старик сумел добрые детские души настроить на христианский лад, поселить в них чувство любви ко Господу, сострадания его крестным мукам.

Катя узнала от старика о том, что «Бог за звездой живет» (268), и когда она с отцом и няней шла к пасхальной заутрене, то попросила: «Няня, ты меня держи и веди, я буду на звезды смотреть» (269).

С мягким, всепрощающим юмором писательница повествует о том, как Катя по-своему, по-детски наивно воспринимала слова пасхальных молитвословий. И, хотя много в них еще не понимала, но сумела понять главное, что в них было заложено: всепрощающую любовь Христову. Здесь мы обнаруживаем тесно сопряженный с евангельскими заветами мотив детской чистоты и доверчивости как залога бесконфликтного приятия Божественных Истин. В рассказе ощутима аллюзия на известные строки из Библии: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как *дети*, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Верно замечено, что «любовь и добродетель в прозе писательницы становятся критерием духовного богатства ребенка, его внутренней чистоты и милосердия. Такими являются дети из цикла *Из жизни Кати Белосельской* (Golovina).

Необходимо заметить и следующее: образ старика-нищего у Городецкой вливается в такую типологическую цепочку, идущую от фольклора, от русской классики: важнейшей функцией такого героя становится функция *вожато*го, человека из народа, помогающего героям-интеллигентам проник-

нуть в мир народной правды, веры. «Провожатый» из крестьян становится подлинным проводником в мир вещей сказаний, древних сакральных верований, отражающих глубинную сущность русского национального характера. Восходит такой герой к образу Пугачева из *Капитанской дочки* А.С. Пушкина, где он так и назван: «вожатый» (от слова «водить»). Поддержана эта типологическая линия И.С. Тургеневым в его *Записках охотника*; в начале XX века – рассказами И.С. Шмелева и Е.Н. Чирикова.

Пасхальный сюжет способствует одухотворенному осмыслению бытия и в рассказе Н. Городецкой *Переправа* из цикла *Французские сюжеты* (1935). Вновь перед нами совсем небольшой текст: всего в три страницы! Но эффект прочтения его, – как это свойственно малой прозе писательницы, – таков, что оставляет впечатление емкого, достаточно объемного произведения. Полагаем, подобная семантическая укрупненность достигается благодаря, в том числе, библейским и литературным реминисценциям.

Речь в нем идет о том, что молодой русский ученый, доктор археологии Борисов, живущий в Лондоне, ставший известным в Европе своими трудами, отправился на Пасху к тетке и дяде в Париж. Действие рассказа происходит непосредственно на пароходе. Действия как такового здесь нет, даются размышления и передается настроение доктора Борисова.

Археолог недоволен собой, что не собрался в поездку вовремя, до русской Страстной субботы. Он знает, что «...нигде не бывает такой радостной и музыкальной ночи, такого необъяснимого подъема, ни священного сияния огней, когда праздник выплескивается на улицу и постепенно захватывает город, растекаясь по дальним улицам потоками горящих свечей» (Gorodetskaya 541). Выясняется, что одним из любимых впечатлений детства был у Борисова «гудящий звоном Киев, вознесенный над городом князь Владимир, тополя Бибиковского бульвара, смыкающиеся на перспективе» (541).

Борисов проводит на пароходе бессонную ночь; в потоке сознания героя, – а именно таким образом организовано повествование, – наблюдается некая динамика. Вначале возникают чисто внешние впечатления, которые, тем не менее, своеобразно коррелируют с его внутренним состоянием. Так, пройдясь по застекленной палубе, он замечает:

Ночь стояла тихая. Вокруг неровно срезанной луны толпились небольшие облака, на одном из них вздрагивала тень, и у Борисова мелькнула туманная и поэтическая мысль: точно движение парохода отражается в небесах, и тень его плывет по облаку. (Gorodetskaya 542)

Чуть далее снова зарисовка ночного морского пейзажа глазами героя:

Справа, углубляя и просвечивая небо, и не доходя до воды, сияла луна, – может быть, невидимый Борису голубой серебристый путь уходил под колеса парохода и где-нибудь сбоку спешил догнать, достичь у горизонта и воссоединиться с плывущим небом. (Gorodetskaia 542)

Очевиден внутренний настрой героя на восприятие бытия поэтически-одухотворенно, и в этом восприятии доминирует интуитивное представление о неразрывности земного и небесного. Этому настрою способствуют и литературные ассоциации: Борисов вспомнил Чехова, его «прекрасный рассказ», где «по темной реке к огням монастыря тянется паром и мечтательный монах вспоминает своего усопшего друга» (Gorodetskaia 542). Речь идет о рассказе А.П. Чехова *Святою ночью*, написанном в 1884 году и имевшем значительный резонанс. И вслед за этим Борисов «точно теперь только заметил, что его разбитая путешествием ночь, в сущности, и есть описанная Чеховым Святая Ночь, и в самом характере его плавания есть нечто общее с медлительной переправой парома» (Gorodetskaia 542).

Досада на себя, что он не попал к светлой заутрене, в мирный семейный круг, не побывал в церкви, когда звучит «Христос воскрес!», а «в чьих-нибудь восприимчивых душах зарождается восторг, надежда, понимание», отягощает сознание героя (Gorodetskaia 543). Квинтэссенция рассказа – в совершившемся в душе Борисова изменении относительно верности своего жизненного пути. Он вдруг понял, что несмотря на значимость его профессиональной деятельности, есть то высшее, что открылось ему на пароходе: «Как ни рассуждай, а все это только частицы жизни, а вот этой сегодняшней пасхальной ночью археолога Борисова давит печаль о своей удавленной жизни, он заявляет протест и требует чего-то целостного и живого...» (543).

Рассказ этот назван *Переправа*. Очевидна установка автора на неомифологическое отражения бытия.

Сюжет переправы через водное пространство имеет известные коннотации. В мифологии он символизирует преодоление преграды между миром живых и миром мертвых. С эпизодами переправы связаны и библейские сказания (например, переправа через реку Иордан — Суд. 3:28). Переправа есть преодоление водной преграды, что само по себе предполагает некое испытание, опасность. Нами ранее анализировалась роль включения в художественный текст сюжетной ситуации переправы для верного понимания индивидуально-авторской картины мира на примере творчества Б. Зайцева, Е. Чирикова, Л. Зурова. Причем, речь шла об отражении в их произведениях именно предпасхальной переправы героев, отправляющихся на богослуже-

ние. Переправа в этих текстах – не только реальный способ достижения цели паломничества: этот образ имеет и подтекстово-ассоциативную функцию обретения героями чувства нерасторжимой цельности земного и Небесного. Очевидно, рассказ Н. Городецкой вносит свои краски в освещение подобной ситуации. Полагаем, верно суждение И.А. Есаулова о том, что «можно говорить о пасхальной доминанте как древнерусской словесности, так и русской литературы Нового времени, манифестируемой в произведениях авторов самой различной ориентации» (Yesaulov 46-47).

В метатексте малой прозы Надежды Городецкой мы встретим и произведения, отражающие художественное осмысление Рождественского библейского сюжета. Один из рассказов назван *Рождественская сказка* (1933). В самом начале писательница со свойственной ее стилю мягкой иронией пишет о том, что не о сказке в привычном смысле слова пойдет речь, а о событиях, реально произошедших в конкретном современном автору месте: в Париже, на углу бульвара Распай, где обитала парижская богема.

Повествование ведется от первого лица. Введению рождественского сюжета предшествует очеркового типа набросок о быте и нравах Монпарнаса и о том, как в бедной столовой она была свидетельницей встреч французского художника, приехавшего из провинции, и его натурщицы Лили, перипетии их отношений, закончившихся исчезновением Лили. Такова экспозиция рассказа. Главное его содержание раскрывается в цепочке эпизодов.

Писательница, одиноко встретившая Рождество, работать в этот день не могла, отправилась бродить по улицам и зашла в католический храм. Поэтично и проникновенно переданы впечатления, полученные ею там:

В глубине церкви были устроены ясли. На соломе, весело задирая фарфоровые ручки, лежал маленький Иисус, маги приносили Ему свои дары, в то время как живые прихожане положили с краешка пушистые ветви мимозы и яркую гвоздику. Было тихо, тепло. (Gorodetskaya 420)

Внимание героини привлекли пришедшие в храм дети:

(...) небольшой мальчик, добежав до пещеры, стал на колени. За ним спешила сестра лет трех, и увидев ясли, в восторге обернулась и ребяческим громким шепотом сказала подходившей матери:

– Смотри, маленький Иисус.

(...) Дети стали рядом, положив ручки на деревянную балку, и старший прочел молитву. Девочка вслух умилялась подробностями, заметила ослика в глубине, но особенно ей понравился Христос. Она любила его той щедрой любовью, какой дети любят новорожденных. А ведь это про него ей наверное сказали, что Он явился на землю именно для нее. (Gorodetskaya 421)

В этой замечательной картине, представшей перед глазами писательницы, ее удивило грустное лицо их матери, как будто бы не участвовавшей в этом празднике.

Далее композиционно-стилевое построение рассказа снова возвращает читателя в ту столовую, о которой шла речь в экспозиции: писательница, подойдя к своему привычному столику в этот рождественский день, встречает там художника, очень грустного, одинокого. Чтобы отвлечь его, она рассказала ему о своих рождественских впечатлениях, и неожиданно из ее описания художник узнал в них свою семью, оставленную им ради Лили.

В его монологе прозвучало «пасть на колени», но в совершенно безнадежном настроении, просто, как известное выражение: он был уверен, что жена не простит его. Собеседница же серьезно отнеслась к этому: «А вам действительно хотелось бы “пасть на колени?”» (Gorodetskaya 422).

Рассказ построен так, что мы понимаем необходимость присутствия в нем неожиданной и счастливой развязки:

Ведь назван же он «Рождественская сказка!» Действительно, в заключительном абзаце узнаем о том, что однажды морозным солнечным утром она встретила в Люксембургском саду художника, гуляющего со своими детьми со счастливой улыбкой. Писательнице он сказал так:

– Вы, кажется, собирались писать что-то к русским праздникам. Ну вот, воспользуйтесь, я вам это всецело дарю. Чем не рождественская сказка? (Gorodetskaya 422)

В этом рассказе, как видим, Городецкая вновь обращается к теме детства как «эпохи человеческого существования» (Л. Толстой) с той же аллюзией на Евангельскую Истину, что и в рассказе *Детство*. И оказывается, что именно детское ангельски-чистое восприятие веры органически приводит к Богу, а человеку, обремененному своей греховностью, так нелегко дается порой покаяние, столь необходимое для подлинного счастья.

Рождественская история вплетена и в ткань художественного повествования рассказа *Завсегдашай* (1935). Это тоже короткий рассказ, написанный в присущей Городецкой манере: чередование насыщенной различной фактографией очерковой стилистики с «крупными планами» непосредственных визуальных зарисовок и выходом на онтологический уровень осмысления жизненных реалий. А реалии эти – весьма банальны в простом пересказе: если в предыдущем случае это семейная драма на почве тривиальной измены, то здесь речь идет о быте и нравах парижской богемы с устоявшимися

традициями. Известно, насколько в этой среде были популярны парижские кафе как основное времяпрепровождение. Среди них – *Ротонда*, о которой повествует автор, будучи его многолетним завсегдатаем. Бегло и колоритно представлена обстановка кафе, в которое кто-то приходил писать, рисовать, а иногда «даже, как это делала забившаяся в угол молодая учительница, – поправкой школьных письменных работ» (Gorodetskaya 533).

Непосредственной героиней этого рассказа является натурщица Жанна, легко порхавшая по жизни, которой симпатизировал старый художник Буржель. Квинтэссенция рассказа выражена в самом конце, – что тоже является приметой художнического почерка Городецкой. В финальной зарисовке говорится о посещении рассказчицей *Ротонды* после двухлетнего перерыва. Там она снова встречает еще более постаревшего Буржеля и становится свидетельницей удивительной сцены. В дверь вошла Жанна. «Она несла какое-то одеяло. Это был ребенок!» (Gorodeckaya 534).

И далее в кафе «все пришло в оживление»; и старый Буржель, и новые и завсегдатаи окружили Жанну с большой доброжелательностью: «Гарсон с газетой, в несвежей белой куртке, застыл за ее спиной, как ангел-хранитель» (535). А завершает эту сцену такая аллюзия. Глядя на Жанну, писательница размышляет: «И стоит ли говорить, какой классический сюжет напоминали ее склоненный прелестный лоб, ее бережные материнские руки, даже старый Буржель, гарсон и толпа вокруг младенца» (533).

Так почти банальная история под пером Городецкой получает возвышенное звучание благодаря пониманию писательницей глубокой соотнесенности человеческой жизни с Евангельскими сказаниями, христианскими заповедями. Сюжеты великих христианских праздников послужили Надежде Городецкой для выражения таких представлений.

Полагаем, творчество Надежды Городецкой являет собой убедительный пример духовного реализма. Суть такого эстетического сознания верно определена А.М. Любомудровым как «художественное освоение духовной реальности, т.е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» (Lyubomudrov, *Dukhovnyy* 5). На примере творчества Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева исследователь апеллировал к такому художественному творчеству, «основой которого является не та или иная горизонтальная связь явлений, а духовная вертикаль», справедливо полагая, что «в этом случае имеется ввиду даже не столько духовное мировоззрение (художника или героя), но духовное мировосприятие, миропонимание» (Lyubomudrov, *Dukhovnyy* 5). При этом уточняется, что термин «духовный» подразумевает здесь строго христианскую духовность как качество той сферы

личности, которая устремляет ее к Богу, отвечает за ее связь с трансцендентным началом» (Lyubomudrov, *Dukhovnyy* 5). С мировосприятием Надежды Городецкой это связано напрямую. В предисловии к книге «Остров одиночества» А.М.Любомудров комментирует интервью Городецкой с Ходаевичем: «Интересен вопрос, который занимает саму Городецкую: «Не стоим ли мы перед новым, духовным реализмом?» А термин «духовный реализм» получил распространение в российской науке о литературе в начале 2000-х годов, и именно в том значении, которое имеет ввиду Городецкая: «говорить простым языком об иных реальностях» (Lyubomudrov, *Dukhovnyy* 16).

Подводя итоги данному небольшому исследованию, заметим: проза Городецкой убеждает в несомненной способности автора именно к такому художественному сознанию; свидетельствует о том, что, благодаря создаваемому писательницей эффекту «вписанности» судеб самых обычных людей в контекст библейской истории, они становятся «оправданными» своей причастностью этой истории. Жизнь каждого человека с его слабостями, грехами восходит своей «заданностью» в историческом христианском пути к идеальным началам Вечной Книги.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Golovina, Larisa Gennad'yevna. «Obraz rebenka v tvorchestve N.D. Gorodetskoj». *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (83), 2019, ss. 81-84. [Головина, Лариса Геннадьевна. «Образ ребенка в творчестве Н.Д. Городецкой». *Ученые записки Орловского государственного университета*, № 2 (83), 2019, сс. 81-84].
- Gorodetskaya, Nadezhda Danilovna. *Ostrov odinochestva: roman, rasskazy, ocherki, pis'ma, sostavleniye, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii* A.M. Lyubomudrova, Rostok, 2013 [Городецкая, Надежда Даниловна. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма, составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии* А.М. Любомудрова, Росток, 2013].
- Lyubomudrov, Aleksey Markovich. «Nadezhda Gorodetskaya. Ocherk zhizni i tvorchestva». Nadezhda Danilovna Gorodetskaya. *Ostrov odinochestva: roman, rasskazy, ocherki, pis'ma, sostavleniye, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta i kommentarii* A.M. Lyubomudrova, Rostok, 2013, ss. 5–36. [Любомудров, Алексей Маркович. «Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества». Надежда Даниловна Городецкая. *Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма, составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии* А.М. Любомудрова, Росток, 2013, сс. 5-36].
- Lyubomudrov, Aleksey Markovich. «Nadezhda Gorodetskaya: ot belletristiki k bogosloviyu». *Kultura literacka emigracji rosyjskiej ukrainskiej i bialoruskiej XX wieku. Konteksty – estetyka – recepcja*, red. Anna Woźniak, Wydawnictwo KUL, 2013, ss. 269-275. [Любомудров, Алексей Маркович. «Надежда Городецкая: от беллетристики к богословию». *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty – estetyka – recepcja*, red. Anna Woźniak, Wydawnictwo KUL, 2013, ss. 269-275].

- Lyubomudrov, Aleksey Markovich. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B.K. Zaytsev, I.S. Shmelev. «Dmitriy Bulanin»*, 2003. [Любомудров, Алексей Маркович. *Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. «Дмитрий Буланин»*, 2003].
- Shmelev, Ivan Sergeevich. «Dragotsennyy metall». Ivan Sergeevich Shmelev. *Sobraniye sochineniy: v 5 tomakh, t. 2: V'yezd v Parizh: Rasskazy. Vospominaniya. Publitsistika*. Russkaya kniga, 1998. [Шмелев, Иван Сергеевич. «Драгоценный металл». Иван Сергеевич Шмелев. *Собрание сочинений: в 5 томах, т. 2: Выезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика*. Русская книга, 1998].
- Yesaulov, Ivan Andreyevich. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti. «Krug»*, 2004. [Есаулов, Иван Андреевич. *Пасхальность русской словесности. «Круг»*, 2004].
- Zakharova, Viktoriya. «Malaya proza Nadezhdy Gorodetskoj: svoeobrazie zhanrovoy poetiki». *Drugiye berega russkoy literatury i kul'tury: idei, poetika, konteksty – Tamte brzegi literatury i kul'tury rosyjskiej: Idea, poetyka, konteksty*. Kollektivnaya monografiya pod redaktsiyey El'zhibety Tyshkovskoy-Kaspshak, Ilony Moteyunayte i Al'fii Smirnovoy pri uchastii Marii Gey – Praca zbiorowa pod redakcją Elżbiety Tyszkowskiej-Kasprzak, Ilony Motejunajte i Alfii Smirnowej przy współpracy Marii Giej, Wydawnictwo «scriptum», ss. 311-321 [Захарова, Виктория. «Малая проза Надежды Городецкой: своеобразие жанровой поэтики». *Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты – Тамте brzegi literatury i kul'tury rosyjskiej: Idea, poetyka, konteksty*. Коллективная монография под редакцией Эльжбеты Тышковой-Каспшак, Илоны Мотеюнайте и Альфии Смирновой при участии Марии Гей – Praca zbiorowa pod redakcją Elżbiety Tyszkowskiej-Kasprzak, Ilony Motejunajte i Alfii Smirnowej przy współpracy Marii Giej, Wydawnictwo «scriptum», 2021, ss. 311-321].

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ И ПАСХАЛЬНЫЙ СЮЖЕТЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ НАДЕЖДЫ ГОРОДЕЦКОЙ

Резюме

В данной статье ставится задача понять роль и значение рождественской и пасхальной тематики в рассказах русской писательницы-эмигрантки первой волны Надежды Городецкой (1901-1985). Анализ показывает: проза Городецкой свидетельствует о том, что, благодаря «вписанности» судеб самых обычных людей в контекст библейской истории, они «оправдываются» своей причастностью к этой истории.

Ключевые слова: Надежда Городецкая; пасхальный сюжет; рождественский сюжет; библейские аллюзии; духовный реализм.

OPowieści wigilijne i wielkanocne w małej prozie nadzieży horodeckiej

Streszczenie

Celem tego artykułu jest zrozumienie roli i znaczenia odkrytych w opowiadaniach rosyjskiej pisarki emigracyjnej pierwszej fali nadzieży horodeckiej (1901–1985) tematów bożonarodzeniowych i wielkanocnych. Analiza przekonuje, że proza horodeckiej zaświadcza o tym, iż dzięki

«wpisaniu» losów najzwyczajszych ludzi w kontekst historii biblijnej stają się oni «usprawiedliwieni» swoim zaangażowaniem w tę historię.

Słowa kluczowe: Nadieżda Horodecka; opowieść wielkanocna; opowieść wigilijna; aluzje biblijne, realizm duchowy.

THE CHRISTMAS AND EASTER STORIES
IN THE SHORT PROSE OF NADEZHDA GORODETSKAYA

S u m m a r y

The purpose of this article is to understand the role and meaning of the Christmas and Easter themes found in the stories of the Russian first wave émigré writer Nadezhda Gorodetskaya (1901-1985). The analysis shows that Gorodetskaya's prose testifies to the fact that, thanks to the "inscribing" of the fate of the most ordinary of people in the context of biblical history, they become "justified" by their involvement in this same history.

Keywords: Nadezhda Gorodetskaya; Easter plot; Christmas plot; biblical allusions; spiritual realism.